

И.С. Родникова

«...Из собственной келейной его преосвященства суммы...»

Среди предметов обширного и различного собрания художественного серебра Псковского музея наше внимание привлёк оклад Евангелия московской печати 1753г¹. На пластинке-среднике его нижней доски гравирована надпись: «Помяни Господи преосвященнаго архиепископа Симона. Построено сие Евангелие из собственной келейной его преосвященства суммы в волгинскую церковь весу 2 фунта 55 золотников 1754 году».

Хорошо известно, что для атрибуции произведения искусства особую значимость приобретает знание истории памятника, его происхождения и принадлежности. Редким везением является наличие вкладной надписи, анализируя которую, можно восстановить не только картину бытования предмета, но расширить и углубить сведения самого разнообразного, иногда неожиданного характера. Изучение приведенной выше надписи позволило по-новому взглянуть на некоторые сведения как об окладе, так и о самой книге, и внести коррективы в существующую атрибуцию.

В первичной карточке научного описания, сделанного в 1951 году известным специалистом в области истории русского сереброделия М.М.Постниковой-Лосевой, указано на русское происхождение оклада, а упомянутое в надписи имя архиепископа не связано с Псковом.

Напомним, что произведения драгоценной церковной утвари, также как иконы, являются важной составной частью православного храма: они всегда почитались и относились к священным предметам. Создание драгоценной утвари издревле было неотъемлемой частью храмоздательской деятельности князей: русскими книжниками XI-XIII вв. прославлялись «православные князи и кня-

гини их иконы украшены, священные сосуды ..., евангелиа утварьна...»

Евангелие, находящееся в алтаре храма в центре престола, уподоблялось Иисусу Христу, «чтобы на него все взирали», особенно, «когда оно проповедуется»², поэтому книга заключалась в драгоценный оклад, различные части которого украшались лицевыми изображениями, раскрывающими символику святыни: золото и серебро были образом божественных энергий, а сама красота убора служила «чувственной святыней, которая есть изображение святынь мысленных и путь, ведущий к ним»,

Наше Евангелие было напечатано в середине XVIII в., и декор его оклада созвучен типу окладов этого времени. Лицевую сторону, переплетенную в досках, оклеенных лиловым шелком, украшают пять серебряных чеканных дробниц; средник овальный, с изображением «Распятия», обрамленный венком, перевитым лентой, и растительным орнаментом, симметричные завитки которого вплетены в каркас из двух совмещенных прямоугольников, образующих крестовидную форму. В навершии средника - императорская корона. На четырех наугольниках изображены сидящие и пишущие Евангелисты и их символы, также заключенные в круглые венки с перевязью на фоне вьющихся стеблей с цветами: наверху - Матфей с ангелом, Марк со львом, внизу - Иоанн с орлом и Лука с тельцом. Нижняя доска украшена чеканными наугольниками с травным узором вокруг сердцевидных клейм и средником в виде ромба с фигурновырезанными краями и прямоугольным клеймом, в котором и начертана вкладная надпись.

Инвентарные пометки на книге говорят о том, что до Отечественной войны она находилась в музее, поэтому поиски, связанные с расшифровкой надписи, логично начинать с местных материалов. Если происхождение Евангелия связать со Псковом, то

Родникова Ирина Самойловна - зав. сектором древнерусского искусства Псковского музея-заповедника, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников России

и упомянутого в надписи «преосвященного архиепископа», в чью память оно «построено», наверно, следует искать там же. И это может быть только знаменитый своей учёностью лингвист, филолог-ориенталист, епископ Псковский и Нарвский Симон Тодорский (1701-1754). Его жизнь была связана с Псковской епархией, где он занимал архиепископскую кафедру в течение девяти лет, с 1745 по 1754 год.

История оклада хорошо просматривается сквозь призму событий псковского периода жизни Симона. Но вначале необходимо хотя бы кратко вспомнить некоторые важные вехи в судьбе этой незаурядной личности.³ Архиепископ Симон (в миру Симеон Федорович Тодорский) родился в 1701 г. на Украине, в казачьей семье. Судя по тому, что и он сам, и его сестра, и племянник провели большую часть жизни и окончили её в монашестве (сестра с именем Иустина была игуменьей Киевского Флоровского монастыря до 1760 г.), можно заключить, что детям было привито стремление к благочестию. Во всяком случае, Симон отказался от традиционной службы своих отцов и выбрал путь «ученого труда», поступив в Киевскую академию (1718).

Академия в ту пору была полна воспоминаний о времени ректорства энергичного сподвижника Петра I Феофана Прокоповича - эрудита и «ревнителя всяческого просвещения» - с одной стороны, и инициатора реформы русской церкви в духе протестантской схоластики - с другой.

Под обаянием личности Феофана, его остроумных лекций находились ещё заставшие его преподавание студенты, и юный Симон впитал атмосферу восторженного почитания настолько, что Прокопович стал для него на всю жизнь примером подражания в глубокой преданности науке и служении отечественному просвещению.

В течение 9 лет Симон учился в академии (1718-1727). Он изучает словесность: овладевает латинским языком, искусством стихосложения и риторики; увлекается философией. Однако его тянуло туда, где в это время процветали науки, - в германские университеты. Заручившись поддержкой Прокоповича, Симон направляется в магдебургский го-

род Галле - цитадель тогдашнего просвещения. Здесь, по его собственным словам, он «проходил науки к совершению учения богословского надлежащие наипаче же занимался изучением языков еврейского, греческого и прочих неких восточных языков» (к концу обучения он знал «сирский, халдейский, арийский» языки), что позволило ему сделаться основателем экзегетики (толкования Св.Писания) и священной филологии в России.

Своё понимание и благоговение перед вечной книгой Писания Тодорский выразил в таких строках стихотворения, написанных на латыни его рукой на книге Библии:

Правитель в пурпурном сияньи,
И нищий в жалком одеяньи,
И тот, кто власти удостоин,
И юный, и старик, и воин
Должны все книгу эту чтить
И с всяким тщанием учить...
Средь заблуждений в мире этом,
Блестая вечно ярким светом
Лучами истины чудесной,
Она в обители небесной
Всегда указывает путь,
Дает слепым туда взглянуть...

Тодорский занимается переводом на русский язык с немецкого сочинений различного богословского содержания. Этой его работой интересуется Прокопович и содействует их напечатанию: по его ходатайству императрица Анна Иоанновна прислала Симону для издания книги 600 рублей.

Последующее образование Тодорский продолжил в Иенском университете, после окончания которого (1730 г.) побывал в разных местах, пока в 1739 г. как замечательный лингвист не был направлен в Киевскую академию преподавателем греческого и древнееврейского языков. Он сделал много для поднятия престижа академии, явившись наследником идей Феофана Прокоповича.

Заметим, что православное богословие XX века, признавая исключительную одаренность Тодорского, осуждает его «протестантское» образование, видя в этом ущербность для православного иерея.⁴ Однако известно, что протестантизм и в эпоху Елизаветы Петровны и, позже, Екатерины II был

под покровительством власти и законов. В такой обстановке любой талантливый человек, жаждущий знаний, мог получить их, только плывя по течению естественного русла, что и сделал юноша Тодорский.

Коренным образом судьба Тодорского изменилась в 1742 году: он был вызван в Петербург для законоучения наследника Петра III и его будущей супруги Екатерины.

Жизнь при дворе, среди «скрытых и непостоянных людей» была чужда ученому, но ему пришлось вместо глубоких исследований в области чистой науки заниматься начальными уроками катехизиса и терпеть неугомонную сутолоку двора. Обучение Петра оказалось не слишком благодарным делом. Воспитанный в захудалом немецком княжестве (Голштинии), будущий император удивлял своим невежеством и, как известно, так никогда и не полюбил «эту проклятую Россию». Напротив, принцесса Ангальт-Цербская София-Августа, будущая Екатерина II, прилежно училась русскому языку и овладела им в совершенстве.

По-видимому, сила слова и обаяния Тодорского способствовали безболезненному обращению ревностной лютеранки в православие, и он остался в памяти Екатерины «как наиболее достойный и уважаемый из всего (русского – *И.Р.*) духовенства».

С призыванием ко двору на Симона были возложены и другие обязанности. Он стал придворным проповедником; с 1743 г. – членом Св. Синода и архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря, чуть позже – епископом Костромским и Галицким.

В это время, правда, ненадолго были востребованы творческие возможности филолога-полиглота: его привлекли в числе других ученых для «свидетельствования» (исправления) новопечатаемой Библии.

Однако вскоре Синод отозвал Тодорского для исполнения прямых обязанностей при дворе, и желанная работа делалась урывками: «понеже должность имеет всякий день, то ему всегда при исправлении Библии быть невозможно..., повелеваем исправление оной делать и без него, но когда случится в том деле какое затруднение во истолковании чего-нибудь в Св. Писании и для той нуж-

ды оной архимандрит Симон тогда будет к тому делу приезжать, когда о том ему повешено будет». Переписка Симона говорит, что он с великой радостью участвовал в редактировании Библии вместе с коллегами по Киевской академии Варлаамом Ляшевским и своим учеником иеромонахом Гедеоном Слонимским.

Эта Библия, так называемая «Елизаветинская», вышла в свет в конце 1751 г. в Москве, ещё при жизни епископа, затем её издания повторялись, и одно из них – громадный том, украшенный прекрасными гравюрами и заставками, – к редактированию которого был причастен Симон, можно сейчас увидеть в библиотеке древлехранилища Псковского музея.

Не прошло и пяти месяцев после посвящения Тодорского в епископа Костромского, как последовал указ Синода от 30 августа 1745 г. о перемещении его на Псковскую кафедру (кстати, с 1718 по 1725 г. её занимал столь чтимый им Феофан), во время пребывания на которой, в 1748 г., он был возведен в сан архиепископа. При этом (впрочем, как и ранее) он оставался в столице, а распоряжался заочно. Заботами Симона в Пскове было сделано немало: усовершенствовано преподавание в семинарии, а в 1748 г. после пожара отстроено и новое её здание (часть его сохранилась до наших дней); в 1752 г. построена церковь в Петербурге на Псковском подворье, сильно обветшавшем со времени его первого устроителя Прокоповича, и благоустроены некоторые псковские храмы, о чем свидетельствует документ: «Сей же преосвященный обновил и украсил истари запустевшие в Довмантовой стене приписные к архиерейскому дому церкви Дмитриевскую, Воскресенскую, Софийскую и Георгиевскую...» и далее текст, представляющий для нас особый интерес – «тщанием и рачением Симона вновь была сделана и освящена им под Троицкой соборной церковью церковь Св. благоверной княгини Ольги».⁵

Вернемся к вкладной надписи, где говорится о «построении» Евангелия в «волгинскую» церковь. Принимая во внимание одно широко распространенное общерусское языковое явление (ср. - вотчина, восемь, Воль-

га) можно утверждать, что речь идет об «Ольгинской» церкви. Её поиски неизбежно приводят к Ольгинскому приделу Троицкого собора – никаких других храмов, посвященных Св. княгине Ольге, столь чтимой псковичами, к этому времени в епархии не было. Позже, в почти чудом сохранившейся музейной инвентарной книге за 1937 год (все документы музея пропали в года войны) нашлась запись о поступлении Евангелия в музей именно из Троицкого собора.⁶

Теперь становится очевидным, почему Евангелие в память архиепископа Симона было «построено» именно в Ольгинскую церковь – так почиталась память её строителя. Придел существовал до 1770 г., когда сильный пожар его уничтожил. Впоследствии на этом месте упоминается усыпальница псковских архиереев. Ольгинский придел был возобновлен лишь в середине XIX в. в Благовещенском соборе.

О чем ещё поведала надпись? Вернемся к событиям последних лет жизни Симона. В 1750 г. с разрешения императрицы он отправляется в отпуск в свою епархию и более не возвращается в Петербург из-за болезни, а в 1753 г. «уволен» и от членства в Синоде. В Пскове Симон опять смог заняться любимым делом, выписывает из-за границы книги, пополняя свою богатейшую библиотеку (около 800 томов) из редких книг и рукописей, собирается издать дневник своих странствий...

28 февраля 1754 г. в Синоде слушается донесение Псковской Консистории о кончине архиепископа Симона: «Лежав в болезни с 21 на 22 число часу во втором на десять по полудни от сего времени житие преставился», и тело поставлено в соборной Троицкой церкви. В тот же день еще сообщается, что «в келлии, в подголовке, который имелся быть за печатью его Преосвященства обнайдено червонцев иностранных и российских одинаких шесть сот, да двойных червонцев иностранных же десять монет, рублевых полтинных и полуполтинных сто девяносто пять рублев... Пожитки и книги убраны в едину комору». Из последующего донесения видно, что завещания Симон не оставил и по вещей описи за ним числится небольшое число икон без украшений, несколько ряс и кар-

манных часов. По указанию Синода из найденных «келейных» денег (т.е. не личных, а предназначенных для содержания архиерейского дома и штата) «300 червонцев» было роздано при погребении, а часть оставшихся, по-видимому, была использована на покупку Евангелия и оплату работ по изготовлению оклада, что и отмечено во вкладной надписи.

Симон Тодорский был погребен 12 марта «под соборной церковью» архиепископом Санкт-Петербургским Сильвестром с местными архимандритами. Для двора и Синода это событие прошло незаметно, как-то скоро была забыта роль, которую Симон сыграл как просветитель, духовный пастырь и ученый именно в столице. В Пскове же его помнили долго, благоговейно преклонялись перед его гробницей, веря в чудодейственную силу мощей преосвященного, и в надгробной надписи проявили искреннюю убежденность в его святости: «Сей муж... всем быше образ христианского жития словом и делом, кроток... и преподобен, незлобив, целомудр, честен... и любовию к премудрости горяше... Да подаст Господь душе его... упокоение, а на земле да сотворится ему вечная память».

За пределами нашего внимания остался последний вопрос – где был исполнен оклад? Принимая датировку 1754 годом (как это указано в подписи), нельзя не отметить, что стилистически оклад тяготеет к более раннему периоду, и его можно рассматривать в русле архаического течения. На 50-е годы приходится расцвет стиля рокайль (причем, в провинции тоже), насыщенного раковинами и беспокойными асимметричными завитками. Оклад же нашего Евангелия еще во власти мотивов барокко, популярных в конце XVII – начале XVIII столетия, а частично в более древних (листья «аканта», собранные в пучки, напоминающие рог изобилия, «жемчужник» и др.).

Растительный узор заполняет всю поверхность вокруг медальонов и при всей своей прихотливости составляет симметричный рисунок. В среднике округлые завитки соседствуют с прямыми линиями – отголосок орнамента, знакомого по русской книжной гравюре второй половины - конца XVII в.,

находящейся под влиянием украинского барокко. Одним из ведущих в это время остается мотив венков, как реминисценция барочных композиций с их круглыми и овальными медальонами в обрамлении «акантовых» листьев и завитков, перехваченных лентами, а также распространяется приём завершения композиции изображением императорской короны. Архаичны также сюжет «Распятия» в среднике (для зрелого XVIII в. более характерна сцена «Воскресения») и иконография сидящих в интерьере и пишущих Евангелистов, традиционная для окладов Евангелий с XV в. и восходящая к их изображениям в древнерусской миниатюре и иконописи царских врат. Для середины XVIII в. более привычным стало изображение полуфигур Евангелистов на нейтральном фоне.

Сама книга была напечатана в Москве в 1753 г. Она украшена гравированными на меди заставками, концовками, инициалами. Каждое из четырех Евангелий начинается гравюрой в лист с изображением сидящих за столиком и пишущих Евангелистов. Гравюры обрамлены орнаментальными рамками, под гравюрами стихи. Художественное оформление этой книги восходит к искусству старопечатной гравюры нач. XVII в., изображение Евангелистов – к к. XVII в., и принадлежит эпохе барокко.

Интересно, что многие детали орнаментальных узоров находят параллели в уборе оклада нашего Евангелия.

Хотя в целом оклад не лишен известной доли привлекательности – композиционной стройности и орнаментальной изобретательности, качество работы выдает мастера средней руки, скорее всего провинциального: низкому, ровному рельефу не хватает свободы рисунка, четкости, тщательности проработки деталей, игры светотени, свойственной изделиям столичных мастеров.

Нужно, правда, отметить, что в России вторая четверть XVIII в. повсеместно была временем упадка золотого и серебряного мастерства, за исключением Петербурга, куда были стянуты лучшие ремесленные люди страны.

Принимая во внимание происхождение памятника, а также провинциальный оттенок

исполнения оклада и в отношении стиля, и в отношении иконографии, можно указать на место его создания – Псков.

Этому предположению не противоречит и отсутствие на окладе пробирного клейма. К середине XVIII в. только в Москве и Петербурге пробирное дело можно считать налаженным, провинциальные города к этому времени еще не всегда имели «пробовальные палатки», а ремесленников с трудом собирали в цехи.⁷ Вопрос о цехах в Пскове в XVIII веке на сегодня остается открытым. Мы только констатируем факт отсутствия клейменных изделий среди предметов из серебра псковской работы до середины XVIII века, когда впервые встречаем имя пробирного мастера Дмитрия Серебренникова (1754-1768 гг.)⁸. Отсутствие пробирного клейма на окладе 1754 г. (т.е. времени начала работы Серебренникова), а также упомянутая выше архаичность его убора, заставляют искать мастера среди серебряников с особым положением, скорее всего, среди «архиерейских, монастырских и вотчинниковых людей», которые могли иметь льготу на «не клеймение» изделий «для своих домовых нужд» по специальному указу, аналогичному с существовавшим указом Московского магистрата от 28 сентября 1750 г.⁹ В Пскове в это время находим таковых серебряников в лице, например, «архиерейского дома бобылей» Феодосия Парфеньева и Григория Савельева.¹⁰

Можно предположить, что и выбор книги для вклада – «стереотипного» издания Московского Печатного двора – в то время, как уже вышла в свет новая знаменитая и дорогая «Елизаветинская» Библия, в редактировании которой принимал участие Симон Тодорский, и очевидная скромность убранства оклада были обусловлены сравнительно скудной суммой из «келейных» денег, и именно поэтому пришлось воспользоваться услугами «домашних», а значит и более дешевых мастеров из архиерейского дома.

Ровно через год после смерти Симона, 22 февраля 1755 г. в архиерейском доме случился пожар, от которого погорели «архиерейские келлии с домовыми приборами и оставшиеся от просвященного Симона книги на различных диалектах».¹¹ Евангелие,

находясь, видимо, в Ольгинском приделе, сохранилось. Дожила до наших дней и часть уникальной библиотеки архиепископа, которая была, может быть, ещё при жизни или, скорее, сразу после смерти передана в семинарию. Книги с многочисленными каллиграфически изысканными пометками, сделанными рукой Тодорского, хранятся сейчас в Псковском музее.

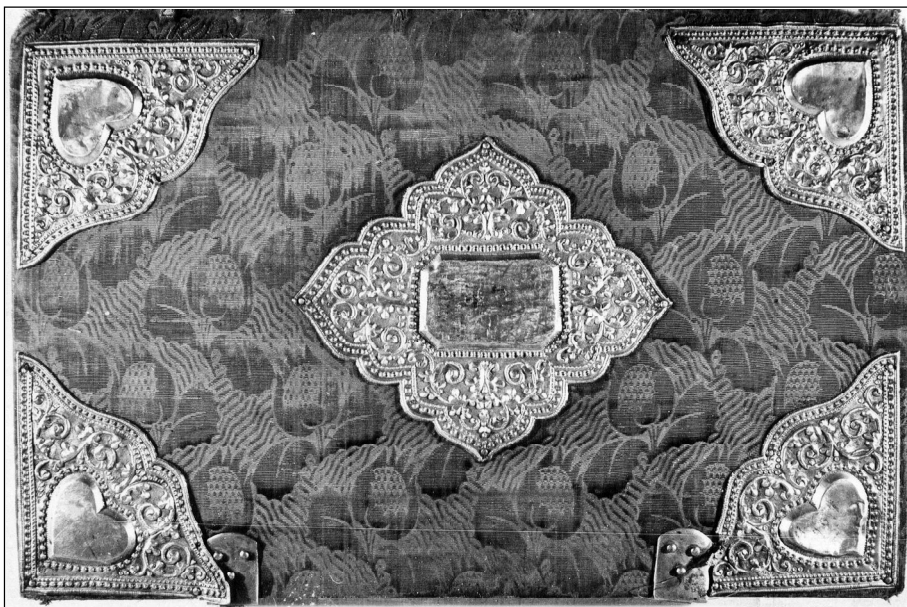
Таким образом, краткая вкладная надпись на окладе Евангелия послужила отправной точкой и для выяснения места вклада и для определения имени архиепископа, в чью память он был совершен, и для атрибуции происхождения оклада, который можно считать работой псковского серебряных дел мастера середины XVIII века.

Примечания

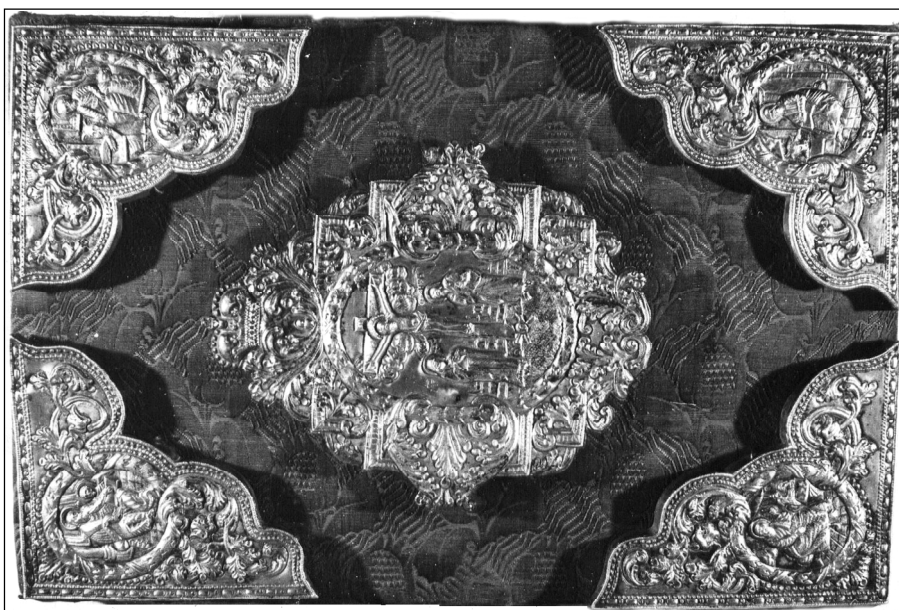
1. Инв. № 625/108; р. 49 x 32,5 x 10
2. С IV в. в пышной церемонии византийского православного богослужения непременно должно было присутствовать Евангелие, которому отводилось в храме почетное место. Еще в 331 г. сам император Константин распорядился изготовить 50 экземпляров Евангелий, предназначенных для отправления богослужения во вновь открытых церквях. (В.Д.Лихачева. Византийская миниатюра. М., 1977. С.5)
Во время соборов (IV в.) в зале собрания также ставили трон и клали на него Евангелие в знак того, что сам Христос избирался главою собора. Об этом говорят Кирилл Александрийский и Тарасий. На IV Константинопольском соборе такой трон с Евангелием и Древом Честного Креста был поставлен в ц. Св.Софии. (Д.В.Айналов. Мозаики IV и V веков. СПб., 1895. С.102)
3. Здесь и далее использованы сведения из работ:
Смиречанский В.. Симон Тодорский, епископ Псковский и Нарвский.// Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. Псковские архипастыри. Остров, 1895. С. 100-113;
Шукин В. Симон Тодорский, архиепископ Псковский и Нарвский (Биографический очерк). Псков, б/г
4. См., например, оценку Феофана Прокоповича и Тодорского у Г.Флоровского (Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 82-107
5. *Шукин В.* Указ соч. С. 85
6. ПГОИАХМЗ. Отдел учета. Книга учета за 1937 г., № 483.
7. *Гольдберг Т.Г.* Очерки по истории серебряного дела в России в первой половине XVIII века// Статьи по истории материальной культуры XVII – XIX вв. Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVIII. М., 1947. С. 29-44; 45-50.
8. *Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.* Золотое и серебряное дело XV-XX вв. М., 1983. С.238
9. *Гольдберг Т.Г.* Указ.соч. С.40
10. *Постникова-Лосева М.М.* Серебряное дело Пскова XVI-XVII вв.// Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 173
11. *Смиречанский В.* Указ. соч. С.450

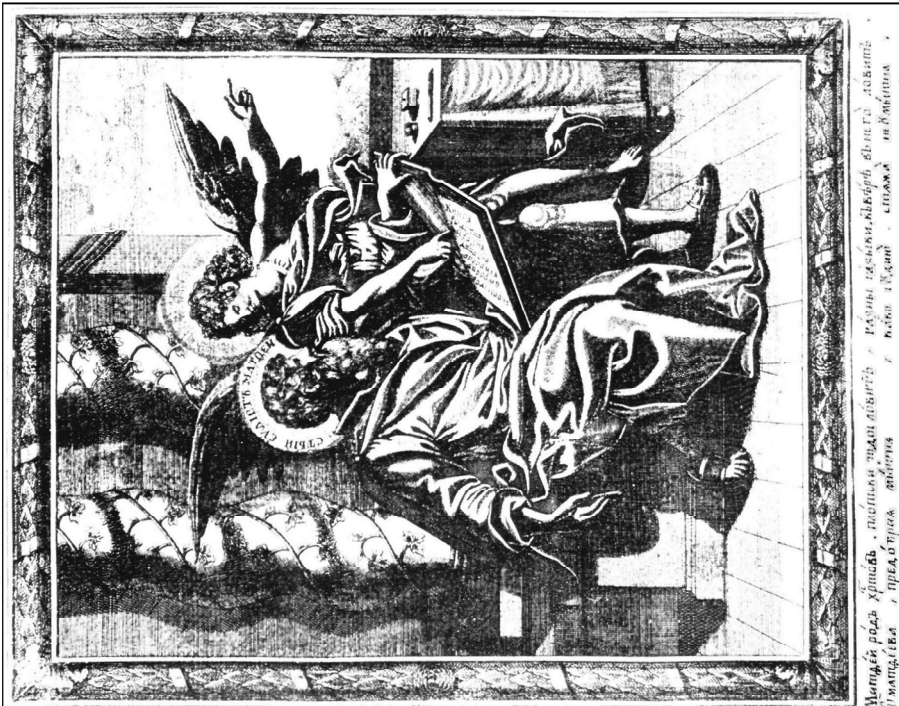
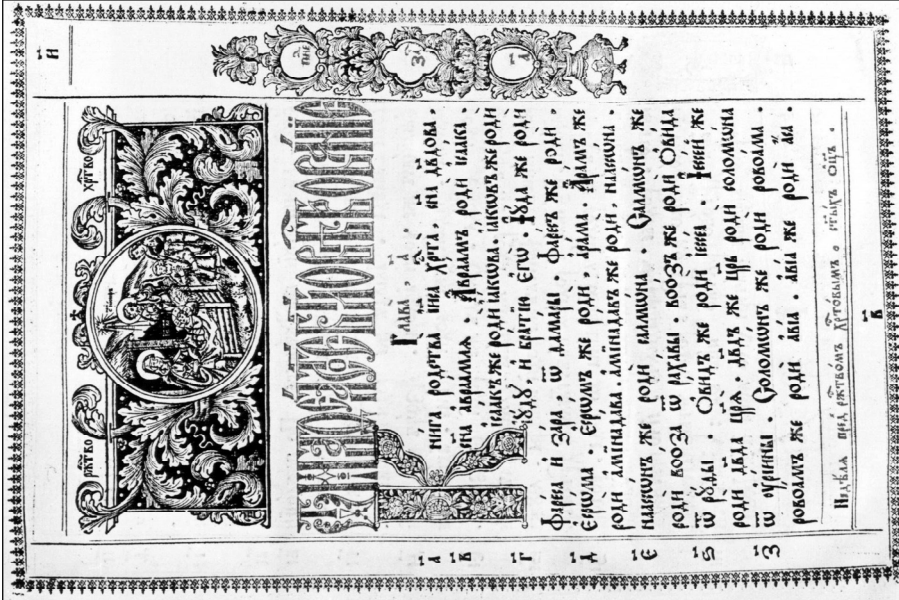
Симонъ. архієпископъ Тодорскій.

Евангелие.
Оборотная сторона.

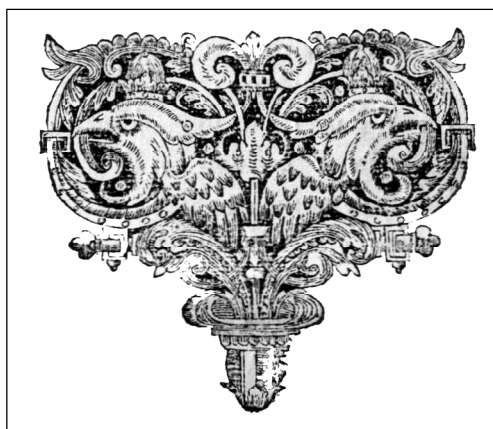
Евангелие.
Печать 1753 г. Москва.
Оклад 1754 г. Псков.

Евангелие.
 Печать 1753 г. Москва.

Евангелие.
Печать 1753 г. Москва.
Заставки и концовка.

JOH. GOTTLÖB CARPZOVII,
S. THEOL. D. PROF. PUBL. ET ARCHI-DIACONI,
IN ACADEMIA ET ECCLESIA LIPS.

CRITICA SACRA
VETERIS TESTAMENTI,
PARTE
I. CIRCA TEXTUM ORIGINALEM,
II. CIRCA VERSIONES,
III. CIRCA PSEUDO-CRITICAM
GUIL. WHISTONI,
SOLICITA.

C. T. Todorovskij

LIPSIAE,
IMPENSIS JO. CHRISTIANI MARTINI.
ANNO MDCCXXXIX.

Автограф С. Тодорского.

Гравюра из Елизаветинской Библии.
Печать 1763 г.

Гравюра из Елизаветинской Библии.
Печать 1763 г.